

ОДИССЕЙ

2009

Путешествие как историко-культурный феномен

Время и exempla

**Средневековые визионеры
и визионерская литература**

**Террор Ивана Грозного
в культурно-символической
интерпретации**

НАУКА

УДК 94
ББК 63.3(0)
ОЕ-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор
А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, Г.В. БОНДАРЕНКО, И.Г. ГАЛКОВА,
И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА, Л.П. РЕПИНА,
А.В. ТОЛСТИКОВ (ответственный секретарь), П.Ю. УВАРОВ,
Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч. Вс. ИВАНОВ,
Жак Ле ГОФФ, Ж.-К. ШМИТТ,
О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук И.Г. КОНОВАЛОВА,
доктор исторических наук С.И. ДАНЧЕНКО

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1989–.

2009 : Путешествие как историко-культурный феномен / [гл. ред. А.О. Чубарьян]. – 2010. – 000 с. – ISBN 978-5-02-037586-4.

Главная тема выпуска – феномен путешествий в разных культурах, его роль в социальной, интеллектуальной, религиозной и других сферах жизни. Представлены материалы о разных типах путешествий (паломничество, миссия, исследовательское путешествие), охватывающие период от античности до XX века. Обсуждаются вопросы межкультурных коммуникаций в ходе путешествия, статуса и образа путешественника в разных культурах, семантики и поэтики рассказов о путешествиях. Также в сборнике представлены статьи о времени в средневековых проповеднических притчах (exempla). Для историков, историков культуры, студентов, специалистов-гуманитариев и более широкого круга читателей. О средневековых представлениях о страшном суде и другие материалы. Публикуются рецензии на новые издания по истории, вышедшие в России и за рубежом.

Для историков, историков культуры, студентов, специалистов в области гуманитарного знания и более широкой аудитории.

По сети “Академкнига”

ISBN 978-5-02-037586-4

- © Институт всеобщей истории РАН, 2010
- © Лучицкая С.И., составление, 2010
- © Коллектив авторов, 2010
- © Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, оформление), 1989 (год основания, 2010)
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕР

А.В. Толстиков, О.Е. Кошелева

НОМО VIATOR.....

А.В. Подосинов

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО АНТИЧНОЙ ОЙКУМЕНЕ: О ПРИНЦИПАХ ОРГАНИЗАЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ В “ХОРОГРАФИИ” ПОМПОНИЯ МЕЛЫ

Ф.Д. Прокофьев

PEREGRINATIO В ОКЕАНЕ: АЛЛЕГОРИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ В “ПЛАВАНИИ СВЯТОГО БРЕНДАНА”

Т.Н. Джаксон

ХОЛЬМГАРДСФАРИ, ИЛИ ТУДА И ОБРАТНО

С.И. Лучичкая

ПУТЕШЕСТВИЕ В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ В XII–XIII вв.: ОЧЕРК ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

О.И. Тогоева

ПУТЕШЕСТВИЕ КАК МИССИЯ В ЭПОПЕЕ ЖАННЫХ Д’АРК.....

А.А. Пименова

ПУТЕШЕСТВЕННИК, “ФИЛОСОФЫ” И “ДОБРЫЕ ДИКАРИ”: ЭКСПЕДИЦИЯ Ж.-Ф. ДЕ ЛАПЕРУЗА, 1785–1788 гг.

С.Е. Федоров

“УВИДЕТЬ ПАРИЖ И...”: ПУТЕВВЫЕ ЗАМЕТКИ ЮНОГО АНГЛИЧАНИНА

А.В. Лазарев

ПАРИЖ ИНОСТРАНЦЕВ ЭПОХИ ARS ARODEMICA (1570–1670).....

М.В. Лескинен

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РОДНОЙ СТРАНЕ: ОПИСАНИЕ КАК СПОСОБ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ. ФИНЛЯНДИЯ И ФИННЫ В ИЗОБРАЖЕНИИ З. ТОПЕЛИУСА

Г.П. Мельников

“ИЗ ЧЕХИИ АЖ НА КРАЙ СВЕТА”: ГЛОБАЛЬНЫЕ ИНТЕНЦИИ МАЛОГО НАРОДА

К.А. Левинсон

ОБ ОДНОЙ ВЫПАВШЕЙ СТРАНИЦЕ ЧЕЛЮСКИНСКОЙ ЭПОПЕИ..

А.В. Толстиков

ИСПЫТАНИЕ ТЕРПЕНИЯ: ПОЭТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЗЛОКЛЮЧЕ-
НИЙ ШВЕДСКОГО ПОСОЛЬСТВА В РОССИИ СЕРЕДИНЫ XVI в...

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

ПИСЬМО В.Я. ПРОППА И.П. ЕРЕМИНУ О “ПОВЕСТИ ВРЕМЕН-
НЫХ ЛЕТ” (*Предисловие и публикация Б.С. Кагановича*).....

О ТРАДИЦИОНАЛИЗМЕ. ДОКЛАД Н.А. СИДОРОВОЙ НА ЗАСЕ-
ДАНИИ СЕКТОРА ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ В ИНСТИТУТЕ
ИСТОРИИ АН СССР, 1949 г. (*Предисловие и публикация А.Р. Горяинова*) ..

И.Г. Галкова

СОН РАЗУМА.....

Ю.П. Зарецкий

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТУЗЕМЦА

К.А. Левинсон

ПОЧЕМУ Я НЕ КОММЕНТАТОР.....

И.Г. Галкова

О ТУЗЕМНОМ НАСЛЕДСТВЕ.....

О.Е. Кошелева

ДОКЛАД Н.А. СИДОРОВОЙ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙ-
СКОГО.....

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Ж.-К. Шмитт

EXEMPLA И ВРЕМЯ (*перевод с французского И.Г. Галковой*).....

М.РН Майзульс

РЕАЛЬНОСТЬ СИМВОЛА И СИМВОЛ РЕАЛЬНОСТИ В ВИЗИОНЕР-
СКОМ ОПЫТЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

РЕЦЕНЗИИ

К.Ю. Ерусалимский

МЕЖДУ КАНОНИЗИРОВАННЫМИ И ДЕМОНИЗИРОВАННЫМИ:
ТЕРРОР ИВАНА ГРОЗНОГО В КУЛЬТУРНО-СИМВОЛИЧЕСКОЙ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ (*рассуждения над книгой А.А. Булычева*)

<i>Булычёв А.А.</i> Между святыми и демонами. Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005.....	
<i>С.И. Лучицкая</i>	
“ОЧИСТИТЕЛЬНЫЙ ОГОНЬ” В СРЕДНЕВЕКОВОМ НЕМЕЦКОМ ИСКУССТВЕ.....	
<i>Вегман С.</i> На пути к небу. “Очистительный огонь” в немецком средневековом искусстве. Кёльн; Веймар; Вена, 2003.....	
<i>С.И. Лучицкая</i>	
СЛОВО-ОБРАЗ-ТЕКСТ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЕ	
<i>Кургиманн М.</i> Слово-образ-текст. Исследования о медиальности в высокое Средневековье и раннее Новое время. Баден-Баден, 2006–2007. Т. 1–2	
<i>М.Ю. Парамонова</i>	
НОВАЯ ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ, НАПИСАННАЯ ИСТОРИКОМ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	
<i>Боргольте М.</i> Христиане, иудеи и мусульмане. Наследие Античности и подъем Запада. 300–1400 гг. Мюнхен, 2006.....	
SUMMARIES.....	
ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ	

CONTENTS

TRAVEL AS CULTURAL AND HISTORICAL PHENOMENON

A.V. Tolstikov, O.Ye. Kosheleva

HOMO VIATOR

A.V. Podossinov

TRAVELLING THE ANCIENT ECUMENE: THE STRUCTURE
PRINCIPLES OF GEOGRAPHICAL DESCRIPTION IN POMPONIOUS
MELA'S *DE CHOROGRAPHIA*.....

F.V. Prokofiev

ALLEGORY AND REALITY IN *NAVIGATIO SANCTI BRENDANI*.....

T.N. Jackson

THE TRAVEL FORMULA' OF ICELANDIC SAGAS.....

S.I. Luchitskaya

TRAVELLING TO THE HOLY LAND IN THE TWELFTH AND
THIRTEENTH CENTURIES: A STUDY IN THE HISTORY
OF EVERYDAY LIFE

C.I. Togoeva

TRAVEL AS MISSION IN THE JOAN OF ARC EPIC

L.A. Pimenova

THE TRAVELER, THE 'PHILOSOPHERS' AND THE 'GOOD SAVAGES':
JEAN-FRANÇOIS DE LA PÉROUSE'S EXPEDITION OF 1785–1788....

S.Ye. Fyodorov

"TO SEE PARIS AND...": A YOUNG ENGLISHMAN'S TRAVEL
DIARY.....

A.B. Lazarev

PARIS AS VIEWED BY FOREIGNERS IN THE TIME OF *ARS*
APODEMICA (1570–1640)

M.V. Leskinen

TRAVELLING THROUGH ONE'S OWN HOME COUNTRY:
DESCRIPTION AS A MEANS OF REPRESENTING THE NATION.
FINLAND AND THE FINNS AS DEPICTED BY ZACHARIAS
TOPELIUS

G.P. Melnikov

'FROM BOHEMIA TO THE ENDS OF THE EARTH'? A SMALL
NATION'S GLOBAL INTENTIONS.....

K.A. Levinson

A LOST PAGE OF THE *CHELYUSKIN* EPIC

A.V. Tolstikov

A TEST OF PATIENCE: A POETICAL DESCRIPTION OF THE
TRIBUTATIONS SUFFERED BY A MID-SEVENTEENTH CENTURY
SWEDISH EMBASSY TO RUSSIA

HISTORIAN AND TIME

VLADIMIR PROPP'S LETTER TO IGOR YEREMIN (*B.S. Kaganovich's
publication*)

ON TRADITIONALISM. PAPER PRESENTED BY NINA SIDOROVA
AT A MEETING OF THE DEPARTMENT OF THE HISTORY OF THE
MIDDLE AGES, INSTITUTE OF HISTORY, ACADEMY OF SCIENCES
OF THE USSR, IN 1949 (*Publication and introduction by A.N. Gorvainov*)

I.G. Galkova

THE SLEEP OF REASON

Yu.P. Zaretskiy

FROM THE NATIVE POINT OF VIEW.....

K.A. Levinson

WHY I AM NOT TO COMMENT ON THIS

I.G. Galkova

ON NATIVE HERITAGE

O.Ye. Kosheleva

NINA SIDOROVA'S PAPER AND THE HISTORY OF THE RUSSIAN
STATE.....

THE RELIGIOUS CULTURE OF THE MIDDLE AGES

J.-C. Schmitt

EXEMPLA AND TIME.....

M.R. Maizuls

THE REALITY OF SYMBOL AND THE SYMBOL OF REALITY
IN THE VISIONARY EXPERIENCE OF THE MIDDLE AGES

REVIEWS

K.Yu. Yerusalimskiy

CANONIZED OR DEMONIZED: IVAN THE TERRIBLE'S TERROR AS INTERPRETED IN TERMS OF CULTURAL SYMBOLS

Bulychov A.A. Between saints and demons. Notes on the postmortem fate of persons persecuted by Ivan the Terrible. Moscow, 2005.....

S.I. Luchitskaya

'THE PURIFYING FIRE' IN GERMAN ART

Wegmann S. Auf dem Wee zum Himmel. Das Fegefeuer in der deutschen Kunst des Mittelalters. Köln – Weimar; Wien, 2003

S.I. Luchitskaya

WORD-IMAGE-TEXT IN THE MEDIEVAL CULTURE

Curschmann M. Wort-Bild-Text. Studien zur Medialität des Literarischen in Hochmittelalter und früher Neuzeit. 2. Bde. Baden-Baden, 2006–2007

M.Yu. Paramonova

A HISTORY OF THE MIDDLE AGES WRITTEN BY A GLOBALIZATION ERA HISTORIAN

Borgolte M. Christen, Juden, Muselmanen. Die Erben der Antike und der Aufstieg des Abendlandes 300 bis 1400 nach Christus. München, 2006

SUMMARIES.....

SOURCES OF ILLUSTRATIONS.....

А.В. Лазарев

ПАРИЖ ИНОСТРАНЦЕВ ЭПОХИ ARS APODEMICA (1570–1640 гг.)

1. ARS APODEMICA И ДРУГИЕ ТРАДИЦИИ ЛИТЕРАТУРЫ О ПУТЕШЕСТВИЯХ

Ars apodemica (“искусство путешествия”, от греч. apodemeo, “путешествовать”) в качестве особого теоретического направления литературы о путешествиях выделил в конце 1970-х годов социолог и историк социальных наук из университета Зальцбурга Юстин Штагль¹. С 1990-х годов термин стал употребляться в историографии Германии, Голландии, Франции, Венгрии и Польши². В данной статье будет использоваться определение ars apodemica (далее: АА), данное Штаглем, так как некоторые исследователи используют этот термин в общем смысле, подразумевая любые теоретические труды о путешествиях и значительно расширяя как временные рамки бытования этого направления, так и список его основателей.

Штагль связывает появление ars apodemica со стремлением упорядочить огромный, но бессистемный корпус знаний, собранных путешественниками. За образец систематизации знаний в АА была взята система парижского логика, гугенота Петра Рамуса (Petrus Ramus или Pierre de la Ramée)³. Согласно Штаглю, основанием АА стали четыре сочинения, появившиеся или задуманные с 1574 по 1577 г.: немцев И. Турлера и Х. Пиркмайра, голландца Г. Блоциуса и швейцарца Т. Цвингера⁴. Все четверо были знакомы друг с другом, и были связаны учебой или преподаванием в Базеле, Падуе и Париже. Все, по мнению Штагля, отталкивались именно от учения Рамуса, а Цвингер, к тому же, был одним из его ближайших учеников.

“Основанная немцами, которые видели Венецию, но также учились у Рамуса в Париже или Базеле, ars apodemica была смесью немецкой эрудиции, итальянского реализма и методического духа французов”⁵. Как считает Ю. Штагль, АА стала предтечей, “в перцептивном и эпистемологическом смысле”, научного исследования в социологии, этнографии и фольклористике⁶. Хотя как теоретическое направление АА сохранять значимость вплоть до начала XIX в., все основополагающие труды вышли до середины XVII в. (последний в списке Штагля датируется 1643 г.), последующие же имели эпигонский характер⁷.

В чем выражалась рамиистская особенность ars apodemica? “Метод Рамуса состоял в определении и подразделении понятий;

аподемическая литература поддерживала эту процедуру в XVII в. Теодор Цвингер, например, делил путешествия по четырем причинам (*causae*) Аристотеля: по цели (образовательное путешествие, деловое или ученическое), по средствам (интеллектуальным, таким как способность к наблюдению; физическим, таким как здоровье; материальным, таким как деньги, а также карты и навигационные приборы), по форме (сухопутное... морское и даже воздушное...) и по материальным критериям путешествия (пункт назначения, маршруты и категории “путешествующих” – в иерархическом порядке: святые и их реликвии, представители различных государств, животные, и, наконец, вещи, такие как товары на продажу). Далее, согласно аристотелевской логике, определялись акциденции (лат. *accidentia*) путешествия (дата, место, состояние здоровья, положение звезд, спутники по путешествию) и его виды (лат. *species*) (путешествия религиозные или профанные, публичные или частные, старые или новые)”⁸.

Штагль не считает, что конфессиональная принадлежность играла какую-либо роль в возникновении и распространении АА⁹. Однако в его списке трудов по АА среди ранних значатся только сочинения представителей германских княжеств, Голландии и Швейцарии, т.е., по большей части, протестантских стран¹⁰. В XVI в. к ним добавляются четыре англичанина и всего один итальянец, опубликовавший свою работу в Пизе. Французов, как католиков, так и гугенотов, в списке нет вообще. Таким образом, протестанты, хотя и разных толков, преобладают. Анализ связи между конфессиональной принадлежностью и склонностью к *ars apodemica* никак не является целью данной статьи, однако эта связь, как кажется, существует. Возможно, принятие АА было обусловлено конфессиональными установками, и для католиков оно было менее приемлемо, чем для протестантов. Приверженность рамизму была определяющей чертой АА, а Рамус воспринимался католиками как один из главных еретиков-теоретиков, ему неоднократно приходилось уезжать из Франции, его осуждала Сорбонна, и он был убит в Варфоломеевскую ночь¹¹.

Ars apodemica была направлена не только на систематизацию старых, но и на сбор новых данных. Поэтому значительную часть “аподемических” сочинений составляли советы и инструкции путешественникам: подготовке уделялось весьма большое значение¹². Изучение карт и языков, подбор навигационных инструментов и рекомендательных писем – всему этому учили “аподемические” трактаты. И они же советовали, на что следует обращать внимание в самом путешествии и как это фиксировать. “Метод” *ars apodemica*, собственно, и состоял в отказе от передачи

слухов и от последующих воспоминаний, в строгой фиксации реальности на основе *loci communes* (“общих мест”, т.е. рубрик или вопросов) риторики. Один из авторов, Эрпениус¹³, предлагал писать сразу два текста: в первом, дневнике, фиксировать первичные сведения по итогам дня, а в другом эти сведения уже встраивать в систему, в “рамистическую” таблицу с подразделениями¹⁴. Кроме таких теоретических инструкций, давались советы поведенческие и практические (касавшиеся гигиены, религиозных споров, обмена денег, найма лошадей и т.п.). Важной частью были указания, что именно следует делать и смотреть в чужих странах¹⁵.

Штагль задается вопросом: «Имела ли *ars apodemica* документированные последствия для практики путешествия данной эпохи? Действительно ли путешественники следовали инструкциям этого “искусства”? Сложный вопрос. Только детальный анализ литературы путешествий и личных документов... может дать на него ответ»¹⁶. Данная статья не претендует на решение столь серьезной задачи. Главная ее цель – определить, как теоретические традиции литературы о путешествиях, в том числе и *ars apodemica*, повлияли на ряд текстов, описаний Парижа. Эти тексты – не “аподемические” труды, а такие сочинения эпохи *ars apodemica*, как путеводители, дневники иностранцев и отчеты дипломатов. Из списка Штагля взяты лишь два труда (Th. Zwinger, R. Dallington), которые содержат описания Парижа наравне с теоретическими рассуждениями.

Следует указать и другие теоретизирующие традиции литературы о путешествиях, три из которых называет сам Штагль¹⁷:

1) **Сборники путевых записок и отчетов.** В таких сборниках систематизация проводилась только путем подбора документов. Тексты порой значительно редактировались, но их основа оставалась той же: путешественники описывали все, с чем встречались, и в той же последовательности (*ordo naturalis*)¹⁸. В данной статье эта традиция будет называться “дневниковой”.

2) **“Космографические описания”.** Они начинаются с “Космографии” Себастьяна Мюнстера¹⁹. Здесь сведения отбирались из записок путешественников и их изложение было организовано систематически, сгруппированно по континентам, странам и городам.

3) **“Статистические сочинения”** появились незадолго до *ars apodemica* в Венеции (от ит. *statista* – “государственный служащий”). Все сведения организовывались как описания формы правления, государственного аппарата, военного и эко-

номического потенциала страны с привлечением большого количества “статистических данных” в современном понимании этого термина²⁰.

Кроме того, в том, что касается Парижа, стоит выделить еще одну традицию. Она гораздо меньше касается систематизации сведений путешественников и больше связана не с АА, а с традицией итинерариев (сборников маршрутов по стране)²¹. Это традиция описания отдельных местностей, восходящая к древнегреческой и арабской географии. В подобные описания включались мифы, сведения по истории, климату и достопримечательностям. Данную традицию удобно называть “хорографической”, следуя терминологии Птолемея²².

Последняя традиция, которая будет учитываться в данной статье, связана с Большим туром (Grand Tour)²³. Сам термин, “Grand Tour” или “Giro”, впервые появился у Р. Лассалса в 1670 г.²⁴ Сейчас большинство исследователей употребляют этот термин в достаточно узком смысле, обозначая им многомесячное путешествие по Голландии, Франции, Германии, Швейцарии (или одной из этих стран) и обязательно по Италии (а там предполагается движение по кругу – фр. “tour”, ит. “giro” – с севера на юг и обратно на север) английского юноши из благородного семейства в сопровождении наставника. Цели у такого путешествия были образовательные. Одно из описаний Парижа, разбирающихся в этой статье, а именно “The View of Fraunce” Роберта Даллингтона²⁵, имеет прямое отношение как к *ars apodemica*, так и к Большому туру.

На связь между АА и Большим туром указывала Клэр Ховард²⁶, хотя она и не выделяла особого теоретического направления в литературе о путешествиях и, соответственно, не обозначала его термином “*ars apodemica*”, как Штагль. Однако она прослеживала рецепцию идей Т. Цвингера, Й. Турлера и Й. Пиркмайра в Англии. Ховард, как и Эдвард Чейни²⁷ и Майкл Бреннан²⁸, начинает отсчет Большого тура с середины XVII в. Изменения в практике английских путешествий эта исследовательница связывает с повышением авторитета наставников. Саму возможность возникновения Большого тура она объясняет стабилизацией политической обстановки в Европе, а точнее – с окончанием Тридцатилетней войны, когда «и возникла возможность видеть прекрасное “по кругу” в Голландии, Германии, Италии и Франции; это, собственно, и был Большой тур»²⁹.

Если сопоставить даты конца оригинального развития традиции *ars apodemica* (по Штаглю) и начала Большого тура согласно большинству исследователей, то можно заметить, что это одно и то

же время, середина XVII в. В некотором смысле Большой тур стал практическим воплощением АА, на что указывает и Штагль³⁰, однако, по моему мнению, тут нужно сделать важную оговорку. АА стремилась упорядочить знания раз и навсегда, и однажды разобраный по всем правилам город уже больше не нуждался во внимании. Таким образом, в основе АА была заложена одноразовость встречи с городом. Пока АА была влиятельна (с 1570-х по 1640-е годы), эта одноразовость сталкивалась с неповторимостью личного опыта каждого путешественника. В конце эпохи был найден компромисс: начался Большой тур, который зиждился на повторяемости и служил накоплению личного опыта юношами из благородных семейств.

Можно предположить, что сочинения английских путешественников, странствовавших в эпоху *ars apodemica*, несли в себе зародыш практики Большого тура. Именно поэтому некоторые исследователи и относили их уже к Большому туру³¹. Мне представляется, что лучше говорить еще об одной традиции упорядочения сведений путешественников, которую можно назвать “прототуристической”. Хотя она еще не была связана с организованными странствиями юных сыновей английских аристократов, тем не менее она ориентировалась на практические, образовательные и развлекательные аспекты путешествия.

Таким образом, я исхожу из того, что в эпоху *ars apodemica* описания Парижа и описания путешествий по Парижу находились под влиянием одной или сразу нескольких из пяти традиций: 1) “дневниковой”; 2) “космографической”; 3) “статистической”; 4) “хорографической”; 5) “прототуристической”.

2. ОБЗОР ТЕКСТОВ

Источниками для этой статьи послужили путеводители, травелоги и дипломатические отчеты, относящиеся к Парижу³²: французов Жюль Коррозе (издание Бонфона, 1586), Франсуа Бельфоре (1575), Клода де Варенна (1643) и иностранцев Андреа Наваджеро (1528), Марино Джустиниано (1535), Евстахия Кнобельсдорфа (1543), Марино Кавалли (1546), Джованни Капелло (1561), Марк-Антонио Барбаро (1563), Теодора Цвингера (1577), Джироламо Липпомано (1577), Арнольда ван Бухеля (1585), Фюнеса Моррисона (1595), Грегорио Иерни (1596), Роберта Даллингтона (1598), Томаса Платтера (1599), Томаса Кориата (1608), Чарльза Сомерсета (1612), Юстуса Цинцерлинга (1616), Антуана де Ромбиза (1635), Джона Эвелина (1643) и Франческо Ручеллаи (1643). Деление на

жанры достаточно условно (как уже говорилось, некоторые труды были и теоретическими трактатами, и путеводителями, а другие – например, дипломатическими отчетами и дневниками одновременно); главный признак отбора источников – наличие описания Парижа. По значительной части этих текстов (список см. в таблице) был проведен контент-анализ, который заключался в подсчете всех городских элементов (как *именных*, вроде “улица Сент-Антуан”, “Новый мост”, “Пале”, так и *категориальных*, типа “улицы”, “мосты”, “стены”) каждый раз, когда они упоминались, в том числе и при повторах в одной фразе.

Для удобства рассмотрения все тексты распределены по четырем группам, выделенным согласно географическому признаку: 1) “внутренние”, автохтонные путеводители, хорографии и части космографий, написанные парижанами и другими французами. Следующие три группы – это путеводители, дневники и режиссии “внешние”: 2) написанные “континентальными авторами” (под которыми понимаются путешественники из Германии, Голландии, Бельгии и Швейцарии), а также отдельно 3) английские и 4) итальянские сочинения. Выделение трудов англичан и итальянцев в особые группы основывается на том предположении, что, поскольку они имеют более близкое касательство к отдельным, “национальным” традициям систематизации сведений путешественников (“прототуристическая” и “статистическая”), это может сказаться на их восприятии Парижа и его описании.

1. Множество сведений о Париже как основатели *ars apodemica*, так и авторы путеводителей черпали напрямую или посредством других сочинений из труда парижанина Жиля Коррозе “Древности, хроники и достопримечательности Парижа”³³, который он издавал и дополнял, начиная с 1532 г. и до своей смерти в 1568 г. Как видно из названия, это не путеводитель, а сочетание хорографии, парижской эпиграфики и топонимики. Одно из изданий книги Коррозе сопровождала карта, снятая парижанами О. Трюше и Ж. Уайо в 1552 г.³⁴ Судя по всему, она была выполнена при активном участии и даже под руководством самого Коррозе, по личному заказу короля Генриха II.

Таким образом, на протяжении XVI в. путешественники располагали лишь разными версиями одной карты. На ней чисто “ихнографический” план (горизонтальная проекция города с улицами) сочетался с трехмерными проекциями зданий без соблюдения масштаба, при этом западная часть города была внизу. На картах Париж был поделен на части (Cité, Ville, Université и иногда также предместья). Это деление редко встречается в дневниках парижан, но авторы путеводителей и иностранные путешественники прибе-

гают к нему часто, используя особые пространственные метафоры³⁵. Связь между АА и картографией прослеживается довольно четко: достаточно вспомнить, что и Цвингер, и другие основатели настаивали не только на изучении карт перед тем, как отправиться в путешествие³⁶, но и на их заучивании³⁷.

По мнению Т. Франгенберга, не существовало “карманных” карт для маленьких путеводителей. По его мнению, путешественникам их прекрасно заменял обзор города с высоты³⁸. Это утверждение спорное, и сразу можно напомнить, что оригинальная карта Трюше сопровождала путеводитель Коррозе, хотя она и не была карманных размеров (133 × 96 см). Но те версии этой карты, которые включались в атласы, были значительно меньше (примерно 50 × 30 см) и порой продавались отдельно. Можно также указать, что в английском путеводителе-дневнике 1595 г. Ф. Моррисона дается схематическая карта размером на страницу³⁹.

Следующий важный французский источник – это “Космография” Франсуа Бельфоре (1575)⁴⁰. В некоторых частях это был простой перевод труда С. Мюнстера, но для Парижа Бельфоре сделал свою версию карты Трюше и сопроводил ее 300-страничным описанием города⁴¹. Бельфоре, как и Коррозе, рассматривает Париж хорографически, но при этом организует свое изложение иначе. В каждой из шести глав разбирается отдельный объект или группа объектов: 1) история основания Парижа; 2) история административных институтов; 3) университет (и как часть города, и как учебный конгломерат); 4) церкви; 5) снова административные институты, но уже только современные Бельфоре; 6) только Пале (Palais). У Коррозе глав было тридцать две, они соплагались довольно хаотично, и он периодически сбивался на исторические хроники. Бельфоре явно искал свою систему организации сведений и при этом не избежал повторений, характерных для *ars apodemica*.

Труд “Путешествие по Франции”⁴² де Варенна вышел значительно позже, в 1643 г., и он интересен своей стилистической близостью к “прототуристической” традиции. Это весьма свободно организованное пособие для человека, который хочет с пользой и приятностью провести время во Франции и Париже, не отягощая себя сбором и организацией сведений. У него не заметно какой-либо систематизации сведений, и при этом “Путешествие” – не просто дневник, а именно путеводитель. Связь с *ars apodemica*, если и существует, то очень косвенная: Варенн, видимо, позаимствовал большую часть сведений о Париже у Ю. Цинцерлинга⁴³, чье отношение к АА будет рассмотрено ниже.

2. Континентальные путеводители начинаются с труда Т. Цвингера “*Methodus apodemicus*” (1577)⁴⁴. В нем основатель АА предла-

гает образцовый разбор “Афин Галлии”, т.е. Парижа, в полном соответствии с таблицами Рамуса. Сначала Цвингер рассматривает город “хорографически”, словно проводя своего читателя по карте, причем, возможно, не только по оригинальной карте Трюше⁴⁵, но и по ее варианту у Бельфоре. Он сообщает о делении города на три части (Cité, Ville, Université), потом перечисляет городские элементы “с точки зрения причинной”, т.е. “места: предместья, церкви и монастыри, колледжи, суды, мастерские, улицы, мосты, ворота, дворцы, стены, рвы, крепости, башни, фонтаны, гостиницы, больницы, приюты, тюрьмы, общественные площади, кладбища, могилы”⁴⁶. После этого он возвращается к некоторым из тех же объектов, уже рассматривая “Париж с точки зрения материальной”, т.е. “какие объекты находятся: здания, статуи и картины, мебель и разные изделия, надписи, реликвии”⁴⁷. Здесь появляются “ряды” – долгие перечисления неделимых объектов, т.е. практически всего, что можно перечислять: колледжей, улиц, ворот, госпиталей, предместий, фонтанов, площадей⁴⁸. Никаких рекомендаций по посещению достопримечательностей, равно как и каких-либо оценочных замечаний, у Цвингера нет. Этот образцовый разбор города никак нельзя назвать путеводителем. Однако выбор конкретных городских объектов – для образца – выдает личные предпочтения Цвингера, как путешественника. Кроме того, набор и последовательность перечисления городских элементов Парижа, которые он предлагает, можно тоже считать за образцовый, т.е. такой, который в его лице предлагала АА всем путешественникам. Соответственно, сверяя их описания с этим набором, можно судить и о том, насколько точно они следовали инструкциям *ars apodemica*.

Возникает вопрос: в чем вообще были отличительные черты “аподемических” сочинений? Штагль везде подчеркивает их приверженность рамизму и стремление упорядочить все сведения в таблицах, где сначала по особым критериям определяется нечто общее, а потом – составляющие этого общего. В случае с Парижем одна такая таблица была составлена Цвингером. Что оставалось делать другим путешественникам, побывавшим в Париже после него? Расширенных и переработанных таблиц по Парижу нам неизвестно. Но можно предположить, что путешественники, приверженцы АА, после Цвингера могли ограничиваться фиксированием первичных сведений, предназначенных если уже не для составления своей таблицы, то хотя бы для дополнения таблицы Цвингера. Это предположение пока невозможно обосновать, однако оно, по крайней мере, объясняет, почему у возможных приверженцев АА вместо таблиц получались путеводители и дневники.

Следующим “внешним” путешественником после Цвингера, оставившим подробное описание Парижа, был голландец Арнольд ван Бухель (1586). Свое “Описание Парижа” он строит, отталкиваясь от путеводителя Коррозе⁴⁹: в центре рассказа – надписи, пропущенные Коррозе, и те места, где ван Бухель их обнаружил. Его “Описание” – это своего рода дополнение к Коррозе, а не целый путеводитель, и, следовательно, оно довольно однобоко. В изложении ван Бухель следует собственной “дневниковой” системе, описывая свои маршруты в поисках надписей. Какова, учитывая дополняющий характер текста, его связь с *ars apodemica*? Дело в том, что ван Бухель не только упоминает Петра Рамуса⁵⁰, но и, возможно, знаком с письмом о путешествиях своего учителя Липсиуса Филлипу де Лануа (1578), которое Штаглем представляется родственным *ars apodemica* сочинением. При этом особых следов рамизма у Липсиуса не найти⁵¹. Он еще ссылается на Натана Хитреуса, который дважды появляется в списке “аподемической классики” Штагля. Неизвестно, какой именно его труд имел в виду ван Бухель. Ван Бухель связан с *ars apodemica* не напрямую, а через ссылки и знакомства, через *res publica literaria*.

“Ряды” церквей, ворот и предместий Цвингера с некоторыми изменениями воспроизводит и швейцарец Т. Платтер-младший в своем отчете о путешествии 1599 г.⁵² Можно с уверенностью предположить, что он пользовался трудом Цвингера, так как ни в один другой рассмотренный источник именно эти “ряды” не попали; тут важны не только названия объектов, но и их последовательность. Общее описание города у него начинается с упоминания о четырех частях (с предместьями) и потом последовательно ведется по ним: сначала Сите (Cité), потом Университет (Université) и Виль (Ville)⁵³. Правда, он часто соскальзывает с “аподемической” манеры изложения на дневниковую, но это и соответствует характеру его сочинения (два тома рассказов о путешествиях, каждый по 1600 страниц, которые при жизни не были изданы). Представив город по частям, он, в полном соответствии с рекомендациями Цвингера, приступает к его разбору по элементам, порой выстраивая уже свои собственные “ряды”: мостов и госпиталей⁵⁴.

Юстус Цинцерлинг (“Itinerarium Gallicae et finitimarum regionum”, 1616)⁵⁵ следует, скорее, традиции Коррозе и авторов “Космографий”, чем АА. “Космографию” Пауля Мерулы (1605)⁵⁶ он цитирует напрямую, простодушно сообщая, что просто переписал все важное, что касалось Парижа⁵⁷. Тем не менее о собственных перемещениях по городу он рассказывает не в “космографической”, а в дневниковой манере. Это описание по своему стилю и направленности близко и к “прототуристической” тради-

ции, в нем приводится множество практических советов: где взять лошадей, сколько и за что платить и т.п. Мерула дает пять маршрутов путешествий по Франции, лишь два из которых захватывают Париж. Причем он предлагает маршруты, как будто рассчитанные по времени (“Ты останешься там до Пасхи...”), но это на самом деле остатки искусно переработанного дневника.

О бельгийце Антуане де Ромбизе, авторе поэмы “*Itinerarii per diversa Galliae ac Italiae loca memores notae*” (Montibus, 1639)⁵⁸, известно мало, и часть поэмы, касающаяся Парижа, содержит всего 194 строки, что недостаточно для контент-анализа. Для главной темы данной статьи интересно то, что поэма построена как итинерарий, причем городской: все 194 строки представляют собой единый маршрут. Связать ее с какой-либо из пяти традиций литературы о путешествиях сложно.

3. Первым автором из англичан был Ф. Моррисон (путеводитель 1595 г., опубликован в 1617 г.)⁵⁹. Сам путеводитель – скорее дневник, снабженный советами: где что покупать, как проходить посты и т.п. Подобно Цвингеру, Моррисон говорит о “четырёх башнях собора Нотр-Дам”⁶⁰, хотя на самом деле их было три, при этом третья – гораздо ниже двух остальных. Он же буквально воспроизводит некоторые “ряды” Цвингера: колледжей, ворот, рынков⁶¹. Ряды выдают прямое заимствование: так, Моррисон признается, что все колледжи он не посещал и не думал об этом, но более любознательным путешественникам он может предложить список⁶². Благодаря своей практической ориентации этот дневник, кроме влияния АА, является и примером “прототуристической” традиции.

После Моррисона свой “Обзор Франции” оставил его соотечественник Р. Даллингтон (1598, опубликован в 1604)⁶³. Это сочинение стало частью классического аподемического труда “*A Method for Trauell*” (1605). Кроме того, Даллингтон весьма прославился как литератор, а сейчас считается одним из тех, кто привил пост-елизаветинской эпохе итальянскую утонченность и чувственность после десятилетий гонений на живопись. Именно после него в Англии возникла мода на итальянскую живопись и скульптуру⁶⁴. Несмотря на то что Штагль относит Даллингтона к классикам АА, в его описании Парижа нет ни рамистских таблиц, ни распределения по разделам и подразделам, ни анализа объектов по каким-либо критериям. Нет в его сочинении и “рядов”. Возможно, вся описательная часть сочинения является дневником с “первичными сведениями” по Эрпениусу, которую Даллингтон предполагал в дальнейшем как-то систематизировать.

Можно заметить, что во Франции он был с посольством, и, возможно, поэтому его сочинение слегка напоминает реляции итальян-

янских дипломатов. Очень много внимания уделяется экономике и финансам, а также укреплениям и армии. Даже Париж появляется в тексте впервые в экономико-географическом контексте. Но после очень краткого введения идет совершенно свободный дневник, нарушающий стройность посольской реляции. Если верить тексту, в Париже Даллингтон в основном занимается тем, что его так прославило на родине: осматривает живописные коллекции и наслаждается роскошью дворцов.

Т. Кориат, автор сочинения “Непереработанные куски, торопливо проглоченные за пять месяцев путешествий по Франции, Савойе, Италии ... Гельвеции, Германии и Нидерландам...”⁶⁵, действительно, очень спешил. После Европы он отправился в Индию, где и умер в 1617 г., не успев как следует отредактировать свои сочинения. В результате в них отразился весьма энергичный и жадный до впечатлений человек – образец будущих путешественников Большого тура. Невзирая на спешку, он пытался следовать некоей системе, по крайней мере, после описания своего въезда в город он озаглавил следующий раздел “Мои наблюдения по Парижу” и даже пересказал некоторые мифы об имени и основании города. После сообщения о трех частях и бессистемного описания зданий Сите он находит некоторую опору для изложения в сравнении с Лондоном. Далее Кориат с удовольствием описывает сокровища и красоты Лувра и Тюильри, уделяя им гораздо больше места, чем всему остальному.

Чарльз Сомерсет⁶⁶ был единственным католиком из рассматриваемых в данной статье авторов-англичан. По словам Эндрю Хэдфилда, он был очень хорошо образован, причем в таких разных областях, как архитектура, теология, литература и философия⁶⁷. Также Хэдфилд отмечает, что дневник Сомерсета следует сборникам советов для юных джентльменов, таким, как эссе Бэкона “О путешествиях” или замечаниям Роберта Даллингтона в предисловии к “Обзору Франции” (1604), что показывает, насколько серьезно к подобным трудам относились путешественники⁶⁸. Контент-анализ подтверждает, что интерес Сомерсета к “религиозным заведениям” в процентном отношении был больше, чем у его соотечественников-протестантов, равен интересу итальянцев, но все же меньше, чем у большинства “континентальных” авторов-протестантов. В других отношениях, как будет показано ниже, Сомерсет не отличается от своих соотечественников. Его связь с “прототуристической” традицией определил Хэдфилд, чего нельзя сказать о его отношении к *ars arodemica*.

Джон Эвелин оставил описание Парижа 1643–1644 годов в своем многотомном дневнике⁶⁹. Он жил долго, много путешест-

вовал, написал поэму “Sylva”, был знаком и с Кромвелем, и с королями, а также дружил с автором другого знаменитого дневника, С. Пеписом. Эвелин не следует никакой системе, но его сочинение считается классическим предтечей путеводителей Большого тура. Он не ссылается на исторические или географические сочинения (т.е. не следует “хорографической” традиции), его совсем не интересуют эпитафии, хотя роскошные гробницы в Сен-Дени он с удовольствием осматривает⁷⁰. В своих сведениях он старается соблюсти максимальную точность и указывает впоследствии ставшие традиционными для литературы Большого тура размеры собора Нотр-Дам⁷¹. Очень неплохо разбираясь в живописи, он в основном ходит по домам коллекционеров, как Даллингтон, и изредка – по библиотекам.

4. Особняком стоит третья группа иностранных путешественников – итальянцы⁷², так как она меньше всего связана с *ars apodemica*. Тому существует несколько причин.

Во-первых, на венецианцев, авторов дипломатических реляций⁷³, Андреа Наваджеро (1528), Марино Джустиниано (1535), Марино Кавалли (1546), Джованни Капелло (1561), Марк-Антонио Барбаро (1563) и Джироламо Липпомано (1577), безусловно, оказывала влияние венецианская традиция систематизации, которую Штагль называет “статистической”.

Во-вторых, особенность не только венецианской, но и вообще итальянской литературы путешествий связана со специфической идентичностью итальянцев, которые болезненно переживали потерю Италией культурного превосходства в XVI в., уделяли чрезмерное внимание наследию эпохи Возрождения, а в том, что касалось странствий по Европе, столкнулись со встречным потоком путешественников, направленным как раз в Италию⁷⁴.

В-третьих, как уже говорилось, все авторы-итальянцы были католиками и поэтому не могли чрезмерно интересоваться идеями гугенота Рамуса, с обязательным следованием которым Штагль связывает *ars apodemica*. Сосуществовавшая с Венецией и подчиненная ей Падуя была свободным в конфессиональном отношении университетским городом, который, наравне с Базелем и Парижем, Штагль считает важным для формирования АА. Вместе с тем, он говорит лишь о связях четырех основателей АА с падуанским университетом. Кроме венецианских описаний Парижа, существует еще несколько, сделанных флорентинцами, из которых я рассматриваю Франческо Иерни (1596)⁷⁵ и Грегорио Ручеллаи (1643)⁷⁶, и у них связь с АА тоже не прослеживается.

Т. Франгенберг причисляет к основателям *ars apodemica* флорентинца Эудженио Данти⁷⁷, поскольку тот был знаком с учени-

ем Рамуса. Однако Данти пишет о городах в одной-единственной “таблице”, которая вовсе не является “рамистой” таблицей, а просто главой из 26 рекомендаций путешественникам, перечисленных одна за другой. Его система напоминает ту, что венецианцы использовали в дипломатических реляциях. Она не предполагала деления на подкатегории и избегала рядов-перечислений объектов. Она была нацелена не на систематизацию сведений из чисто научного интереса, а на то, чтобы максимально ознакомить получателя реляции со страной, возможным союзником или противником.

Из всех авторов венецианских реляций лишь Наваджеро можно отнести к разносторонне ориентированным “гуманистам”: он был другом А. Мануция, знакомым П. Бембо и поэтом. Однако Парижу в своем сообщении он уделит меньше страницы. Остальные авторы реляций – чиновники, “statista” из древних венецианских родов, не проявившие себя ни в науках, ни в литературе. Вплоть до Дж. Липпомано (1577) все описания Парижа характеризуются удивительной краткостью, при этом авторы порой отсылают за дополнительными сведениями к своим столь же немногословным предшественникам⁷⁸.

Особое внимание в реляциях уделяется экономике, управлению, статистике, а в том, что касается городского пространства, – лишь укреплениям. Интерес к укреплениям и военной истории вообще был характерен для XVI в., и употребление карт в военных целях предполагалось как само собой разумеющееся. Данти, посвятивший городу одну главу своей книги, тоже делает упор на разведывательные задачи, например, рекомендует, “не привлекая внимания, зарисовывать бастионы и другие инженерные сооружения”⁷⁹.

Реляция Липпомано, описывающая Францию в том же году, когда Данти, Цвингер и Пиркмайр написали свои теоретические труды, резко отличается от предшествующих. Это почти путеводитель, включающий многие чисто дневниковые фрагменты.

Флорентинцы Иерни и Ручеллаи писали еще позже, в своих реляциях они отошли от систематизированного “статистического” изложения, зато передали нам многие сведения о Париже, о которых их современники из других стран не упоминали. Чем ближе к концу эпохи *ars apodemica* (а Ручеллаи писал в самом ее конце, в 1643 г.), тем сильнее смешивались традиции. По своему стилю, отсутствию систематизации и проявлению внимания как к будничным нуждам путешественника, так и к развлечениям и роскоши, реляция Ручеллаи больше всего напоминает английские сочинения “прототуристической” традиции.

3. ПАРИЖ В ЦЕЛОМ: ОРИЕНТАЦИЯ, ОБЗОР С БАШНИ, МАРШРУТЫ

Если проанализировать перечисление городских элементов у Цвингера, то можно заподозрить, что он пользовался не только картой Трюше 1552 г., но и картой Бельфоре 1575 г. Это имеет непосредственное отношение к системе ориентации иностранцев в Париже.

Цвингер сообщает о делении города на три части, а затем, описывая город “каузально”, перечисляет объекты (около 300): в Виль, двигаясь с запада на восток по воротам, от Сент-Антуан к Новым через ворота Тампль, Сен-Мартен и т.д. (точно по карте), углубляясь в город по улицам и рассматривая, что располагается справа и слева от них. Потом автор рассказывает о зданиях в Сите и возвращается к системе ворота-улицы в Университете (тоже с запада на восток). Тем самым он придает системе ориентации Бельфоре большую стройность.

Цвингер дает понять если не читателям, то хотя бы современным исследователям, какую систему ориентации предпочитали приверженцы *ars apodemica*. В основном она проводилась по отдельным достопримечательностям, однако всегда существовали дополнительные “координаты”. Для *ars apodemica* всю систему ориентации можно условно назвать картографической, с опорой на части города + улицы + ворота, которая требует хорошего знания названий улиц (свойственного местным жителям и тем, кто располагает картами). Цвингер доверял картам настолько, что переименовывал топонимы, следуя ошибкам написания. Кроме того, можно напомнить, что он и другие основатели АА настаивали на изучении и заучивании карт перед путешествием.

Если посмотреть на таблицу, то мы обнаруживаем эту систему ориентации у всех “континентальных” авторов: Цвингера, ван Бухеля, Платтера и Цинцерлинга: ворота + улицы + дороги – 13,6–17%; части города – 5,4–7,6%; Сена + мосты – 8,6–11,6%. По таблице можно выявить и альтернативную систему ориентации, с опорой на Сену + мосты⁸⁰. В чистом виде ее можно заметить у двух итальянцев, Липпомано и Иерни: ворота + улицы + дороги – 7–7,3%; части города – 1,1–2,9%; Сена + мосты – 27,9–40%. Таким образом, оппозицию между “аподемической” и “итальянской” (“статистической”) традициями можно проследить и в различных системах ориентации. Следует оговориться, что вовсе не все упоминания вышеуказанных объектов в текстах связаны именно с ориентацией. Более того, непосредственно с ориентацией связана как раз меньшая их часть. В данном случае мы опираемся

Таблица 1
Частота упоминаний категорий объектов Парижа

	Бельфоре 1575	%	Коррозэ 1586	%	Варенн 1643	%	Цвингер 1577	%	ван Вухель 1586	%	Платер 1599	%	Цинглинг 1616	%
Всего городских элементов	656		1828		236		782		302		470		214	
Сена + Бьевр + острова + набережные + мосты	28	4,2	114	6,2	24	10,1	68	8,6	35	11,6	54	11,4	20	9,3
Ville + Cité + Université	9	1,3	11	0,6	11	4,6	43	5,4	23	7,6	30	6,3	13	6
Все предместья	14	2,1	46	2,5	20	8,4	20	2,5	14	4,6	16	3,4	15	7
Кварталы + приходы	5	0,7	13	0,7	1	0,4	0	0	0	0	3	0,6	0	0
Стены + ров + бастионы + крепости	14	2,1	62	3,3	5	2,1	39	4,9	5	1,6	10	2,1	12	5,6
Ворота	14	2,1	99	5,4	25	10,5	62	7,9	29	9,6	21	4,4	23	10,7
Улицы + дороги	35	5,3	104	5,6	14	5,9	45	5,7	18	5,9	59	12,6	11	5,1
<u>Ворота и улицы + дороги суммарно</u>		7,4		11		16,4		13,6		15,5		17		15,8
Башни + колокольни + окна + этажи	8	1,2	39	2,1	7	2,9	22	2,8	6	1,9	1	0,2	7	3,2
Дворцы + сады	57	9	146	7,9	37	15,7	73	9,3	29	9,6	34	7,2	30	14
Церкви + монастыри + часовни	270	41	614	34	28	11,9	178	22,8	85	28,1	71	15,1	39	18
Коллежи	118	18	123	6,7	6	2,5	65	8,3	10	3,3	7	1,4	7	3,2
Отношение учтенных в таблице городских элементов ко всем городским элементам		86,6		75,5		75,4		78,8		84,2		65,2		83,2

	Липомано 1577	Иерни 1596	%	Иерни 1596	%	Руччелани 1643	%	Моррисон 1595	%	Даллингтон 1598	%	Корнат 1608	%	Комерсет 1612	%	Эвелин 1643	%
Всего городских элементов	136	85	27,9	34	40	301	375	67	98	125	119	10,9	119	125	119	10,9	119
Сена+ Бьевр+ острова+набережные+ мосты	38	34	27,9	34	40	32	53	9	13	18	13	13	13	18	13	13	13
Ville + Cité + Université	4	1	2,9	1	1,1	6	46	6	4	4	5	4	5	7	5	4,2	5
Все предместья	3	5	2,2	5	5,8	27	1	5	2	2	12	2	12	5	4	10	12
Кварталы + приходы	1	0	0,7	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Стены+ ров+ бастионы+ крепости	15	10	11	10	11,7	9	22	5	1	1	1	1	1	6	1	0,8	1
Ворога	7	1	5,1	1	1,1	17	47	3	2	2	1	2	2	0	0	0,8	1
Улицы + дороги	3	5	2,2	5	5,8	21	39	1	14	1	7	14	12	12	9,6	5,8	7
<i>Ворога и улицы + дороги</i>			7,3		6,9				5,9				16,3		9,6	6,6	
<i>зи суммарно</i>																	
Башни+ колокольни + окна+ этажи	0	4	0	4	4,7	17	7	1	1	1	2	1	1	1	0,8	1,6	2
Дворцы + сады	10	2	7,3	2	2,3	45	22	13	14	13	26	14	35	35	28	21,8	26
Церкви + монастыри + часовни	20	14	14,7	14	16,4	40	20	4	7	4	11	7	19	19	15,2	9,2	11
Коллежи	3	1	2,2	1	1,1	3	41	1	1	1	5	1	4	4	3,2	4,2	5
Отношение учтенных в таблице городских элементов ко всем городским элементам			76,5		90,6											69,8	

на гипотезу, что само внимание к этим объектам и распределение этого внимания (между тремя группами: Сена, улицы, части города) свидетельствует о возможности ориентирования с использованием этих объектов и соответствующих категорий.

В таблице представлены объединенные результаты, когда и именные, и категориальные городские элементы объединялись не только в категории (например, категория “все улицы” учитывает упоминания не только “улиц”, но и конкретных улиц), но и в объединенные категории (например, “Сена, Бьевр, острова, набережные, мосты”, как имеющее отношение к Сене). Выбор элементов, включенных в каждую объединенную категорию, производился в зависимости от конкретного объекта исследования. Для анализа “ориентации” в городе важны объединения по “артериям” (река Сена и улицы-дороги) и разным частям города (“3 части” картографии, предместья, кварталы, приходы). “Дворцы и сады” условно объединены как имеющие отношение к роскоши и произведениям искусства. “Башни, колокольни, окна, этажи” – как элементы, имеющие отношение к “вертикальному измерению” города.

Каждая колонка, обозначенная сверху именем автора и датой написания труда (например, “Коррозе 1586”), указывает число упоминаний элементов данной категории. Колонка справа от такой колонки, обозначенная сверху значком “%”, указывает процентное значение выделенной категории городских элементов в отношении ко всем городским элементам данного источника. Последний ряд указывает суммарное процентное значение всех выделенных в данной таблице категорий. Таким образом, видно, что эта таблица охватывает большую часть всех упоминаний городских элементов (от 60 до 90%). Как уже говорилось выше, городские элементы считались даже при повторах в одной фразе.

Для удобства чтения таблицы для каждого источника наиболее часто упоминаемая категория в колонке, которая отражает процентное значение, представлена жирным шрифтом с подчеркиванием (например **41**), следующая по частоте категория – просто жирным шрифтом (например **41**), и следующая – курсивом с подчеркиванием (например *41*).

У англичан в распределении внимания (ориентации) единодушия не наблюдается, они по своим предпочтениям располагаются примерно посередине между итальянскими и “континентальными” авторами. Опора на части города у них сильно разнится, но в целом ближе к континентальным авторам (следуя хронологии: 12,2%, 8,9%, 5,6%, 4%, 4,2%). Моррисон доверяет улицам + воротам даже больше, чем континентальные авторы⁸¹ (почти 23%), Кориат – примерно так же, 16%, Сомерсет – 9,6%, а Даллингтон

и Эвелин (около 6%) – примерно так же, как Липпомано и Иерни. В целом англичане больше, чем “континентальные” авторы, ориентируются по Сене (13,3–14%), но не так, как итальянцы.

Интересны данные в целом по 1643 г., т.е. по самому концу эпохи *ars apodemica*: у Ручеллаи (улицы + ворота 12,6%; части города 6%; Сена + мосты 10,6%) и де Варенна (улицы + ворота 16,5%; части города 4,6%; Сена + мосты 10,1%) – как у “континентальных” авторов, а Эвелин (улицы + мосты 6,7%; части города 4,2%; Сена + мосты 10,9%) – приближается к ним. Предпочтения Коррозе и Бельфоре сложно определить, но, учитывая данные де Варенна, можно предположить, что к концу периода как во Франции, так и в Италии и Англии происходит усвоение ориентации “аподемического” типа.

Любопытной представляется практика “обзора города с башни”. Как считает Т. Франгенберг, в XVI в. эта практика была распространена достаточно широко⁸². Он указывает на труд Альберти “Искусство зодчества”, где рекомендуется строить так, чтобы “гостям” открывались красивые виды. Итальянские математические трактаты того же XV в. предлагали мысленные зрительные эксперименты, связанные с башнями⁸³. Вероятно, эта практика развивалась в некоторой зависимости от флорентийской (или общепитальянской) архитектурной и математической традиции. Можно предположить, что АА практикой обзора с башни не интересовалась, по крайней мере, в Париже. Она не упоминается ни у Цвингера, ни у ван Бухеля и Даллингтона – трех из рассматриваемых авторов, у которых связь с *ars apodemica* прослеживается наиболее четко.

Если посчитать, что распространение этой практики как-то связано с отношением к вертикальному измерению города в целом, то данные контент-анализа разочаруют. В таблице (ряд 9) учтены все объекты на высоте (башни, колокольни, крыши, окна). Видно, что все иностранцы обращали на них мало внимания. Выделяются только Иерни (1596), Цинцерлинг (1616), Ручеллаи и де Варенн (1643).

Хотя пока невозможно объяснить пути проникновения и эволюцию этой практики, в Париж она все же пришла. Самое первое описание настоящего “обзора с башни” мы найдем у Платтера (1599)⁸⁴. В дневнике-путеводителе Цинцерлинга указано уже, что в Париже есть церкви “и особенно собор Нотр-Дам и Сент-Женевьев, башни которых позволяют осмотреть весь Париж”⁸⁵. Цинцерлинг наслаждается видом с башни не только в Париже, но и в других французских городах: Орлеане, Невере, Туре, Амбуазе и Пуатье⁸⁶. В самом конце рассматриваемого периода мы замечаем

еще два “обзора”. Вот Эвелин: “Я поехал далее, чтобы посмотреть на Париж с колокольни Сен-Жак, считающейся самой высокой в городе, откуда я и получил полный вид всего города и предместий...”⁸⁷. А вот Ручеллаи: “Монмартр – это место на холме в двух милях от Парижа, откуда можно наслаждаться самым красивым видом города”⁸⁸. Можно заметить, что эта практика не то чтобы утвердилась к концу рассматриваемой эпохи, но все же стала заметней.

Париж вовсе не отставал от других городов в том, что касалось более традиционного поведения путешественника: прогулки по городу от одной достопримечательности до другой.

Городские маршруты появляются уже у ван Бухеля (1586). Например⁸⁹: 7 июля. Руины Шарантона – ворота Сент-Антуан – Турнель – Бастилия – Арсенал – Монастырь Целестинцев – церковь Сен-Поль – дом посла Испании – дом посла Венеции – через реку к своему жилью в пригороде Сен-Марсель. У Платтера (1599), хотя он и жалуется, что нельзя осмотреть все 139 (!) церквей, так как нет соответствующих карт и указателей⁹⁰, приведено несколько маршрутов⁹¹.

В некоторых сочинениях маршруты приводятся с замечательной дотошностью и удивляют своей изощренностью – они не выстраиваются в прямую линию. Вот как в своей поэме советует двигаться Ромбиз⁹²: начать в Сите, где осмотреть Нотр-Дам и госпиталь Отель-Дье, потом по мосту Нотр-Дам или мосту Менял перейти в Виль, где посмотреть Ратушу, Гревскую площадь, Арсенал, Бастилию, Королевскую площадь, Тампль, Лувр, Тюильри, Сорбонну (как именно попасть на другой берег, Ромбиз не уточняет) и только потом вернуться в Сите, потом перейти по мосту Сен-Мишель или Малому, осмотрев Малый Шатле и Новый мост.

Описание этого воображаемого маршрута, как и других, настоящих и воображаемых, зависит от избранной системы ориентации и порой явно связано с хронологией, т.е. сначала осматриваются (и описываются) самые древние памятники. Последнее отсылает к системе описания города согласно *ars arodemica*: сперва древние здания, потом сакральные, потом профанные, потом связанные с управлением. В построении и описании маршрутов ведущая роль принадлежит путешественникам из Германии, Голландии и Бельгии, т.е. тем, кто наиболее связан с традицией *ars arodemica*. При этом простая логика подсказывает, что нужду в разработке маршрутов должны были испытывать представители “прототуристической” традиции. Но англичане, наиболее близкие к ней, бродят довольно рассеяно, а итальянцы (как венецианцы, так и флорентинцы), вообще ничего об этом не сообщают. Можно предполо-

жить, что маршруты были включены в Большой тур позже, уже после окончания эпохи *ars apodemica*.

Хотя о маршрутах говорят не все авторы, однако понятно, что они обходили Париж намеренно и, скорее всего, пешком, следуя старой практике пилигримов и студентов, но еще до зарождения благородной “прогулки” как особого времяпрепровождения⁹³.

4. ПРЕДПОЧТЕНИЯ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В восприятии Парижа можно уловить сходство в том, что касается отдельных категорий и объектов. Назовем это предпочтениями, хотя на самом деле речь идет лишь о частоте упоминания различных объектов. Например, улицы можно рассматривать и как элементы, необходимые для ориентации, и как самостоятельные объекты. Мы встречаем почти единодушное мнение о парижских улицах: они хороши, но сильно забиты людьми.

Наваджеро (1528) пишет: “Улицы прекрасны и украшены удивительно богатыми магазинами. Дома более удобны, чем приятны для взгляда”⁹⁴. Джустиниано замечает, что Париж вовсе не так велик, как о нем говорят, просто “все обитатели на виду: мужчины, женщины, старики, дети, господа, слуги, – все имеют обыкновенные размещаться у дверей магазинов или даже на улицах. Кроме того, улицы запружены телегами, мулами и другими животными всех видов, и в итоге получается полная сумятица”⁹⁵.

Мы знаем, что с середины XVI в. об улицах Парижа стали заботиться. Вот и результат: Даллингтон пишет, что “улицы очень красивы, прямые и длинные, по большей части”⁹⁶, а Иерни сообщает поистине бесценные сведения: “Уже давно улицы красивы, широки и длинные, и хорошо мощены квадратным камнем... Зимними ночами углы улиц освещены красивыми стеклянными фонарями, которые позволяют каждому заниматься своим делом. На домах нет водостоков, а крыши покрыты маленькими кусками черного шифера, и окна закрыты, но не как у нас, а прекрасными стеклами, которых видно множество”⁹⁷. Многие выбирали в качестве образцовой какую-нибудь одну улицу: в самом начале XVII в. таковой признавалась улица Нотр-Дам, хотя, как утверждал Кориат, “она не столь широка, как наш Чипсайд в Лондоне”⁹⁸. Однако, например, Сомерсет предпочитал самые длинные улицы (Сент-Оноре, Сент-Антуан, Сен-Мартен и Сен-Жак)⁹⁹.

Данные таблицы говорят о внимании иностранцев к парижским церквям. Распределение этого внимания по группам поначалу смущает: сильнее всех они интересуют континентальных про-

тестантов (в среднем 21%), потом итальянских католиков (14%) (плюс единственный английский католик Сомерсет, 15%) и в последнюю очередь – английских протестантов (в среднем 7%). Собственно, удивительно здесь лишь предпочтение первой группы, но оно объясняется просто: они искали древние надписи, а именно в церквях и монастырях надписей было больше всего. Интерес второй и третьей групп вполне согласуется с их конфессиональной принадлежностью.

Поддается идентификации и интерес к Парижу с эстетической точки зрения, причем в ренессансном смысле слова: к картинам, скульптурам, садам, украшениям дворцов. Больше всех интересна роскошь и красота англичанам (у Эвелина – больше 21%!), меньше всего – итальянцам. Любопытны опять почти близкие значения для 1643 г.: и итальянец Ручеллаи, и француз де Варенн уделили по 15–16% своего внимания этой сфере, что близко данным по Цинцерлингу (14%), последнему из рассмотренных континентальных протестантов. Возможный вывод здесь: традиции сомкнулись. Все три разные группы иностранцев накануне эпохи Большого тура приобрели одинаковый интерес к роскоши и эстетике.

* * *

Изучение *ars apodemica* началось всего несколько десятилетий назад, поставив перед исследователями задачу выявления других, параллельных АА, традиций в литературе о путешествиях и определения их взаимовлияния. Вместе с тем особую актуальность приобрел вопрос о возможном влиянии ученой литературной традиции на описание города и – что гораздо сложнее – на его восприятие.

В данной статье были предложены способы подойти к решению этих вопросов, опираясь на контент-анализ текстов, описывающих Париж эпохи *ars apodemica* (1570–1640-е годы). Ее выводы носят предварительный характер, однако некоторые из них представляются автору вполне убедительными. Прежде всего, следует признать, что *ars apodemica* повлияла на часть литературы о путешествиях выделенной эпохи (1570–1640-е годы), касающуюся Парижа, одним тем, что породила такой новый элемент, как описания и даже рекомендации городских маршрутов.

Также можно сделать предварительные выводы о том, что традиция литературы о путешествиях, условно названная “прототуристической” и приведшая к возникновению практики Большого тура, некоторое время сосуществовала с традицией *ars apodemica*, многое у нее позаимствовала, а потом ее вытеснила. Такое смеще-

ние интереса с гносеологической сферы на практическую, образовательную и развлекательную привело, например, к увеличению числа упоминаний городских объектов, связанных с роскошью и произведениями искусства.

Проведенный анализ говорит о существовании оппозиции между *ars apodemica* и “статистической” (итальянской) традицией. Наиболее ярко различия между ними проявились в выборе системы ориентации, которой пользовались путешественники в Париже: ориентация, близкая *ars apodemica*, характеризуется особым набором опорных категорий, в которых выделяются улицы, ворота и дороги; для “статистической” традиции характерен другой набор, в котором выделяются Сена и мосты. В связи с этим была намечена гипотеза о сравнительно большем внимании *ars apodemica* к картографии и об особом “картографическом” восприятии города, порожденном этой традицией. Также обнаружилось, что существовали сферы, в которых происходило постепенное слияние указанных двух традиций; например, это касалось практики “обзора города с башни”.

¹ *Stagl J.* Vom Dialog zum Fragebogen. Miscellen zur Geschichte der Umfrage // *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, 1978. Bd. 31/3. S. 611–638; *Idem.* Die Apodemik oder “Reisekunst” als Methodik der Sozialforschung vom Humanismus bis zur Aufklärung // *Statistik und Staatsbeschreibung in der Neuzeit* / Hrsg. M. Rassem, J. Stagl. Paderborn, 1980; *Idem.* *Ars apodemica. Voyage d'étude, et art du voyage* // *L'époque de la Renaissance 1400–1600* / Ed. T. Klaniszay, E. Kushner, P. Chavy. Budapest, 1991. Vol. 4; *Idem.* *Ars Apodemica. Bildungsreise und Reisetmethodik von 1560 bis 1600* // *Reise und Reiseliteratur* / Hrsg. X. von Erzdorff, D. Neukirch, R. Schulz. Rodopi, 1992. S. 141–191 (это немецкий вариант предыдущей статьи); *Idem.* A history of curiosity: the theory of travel 1550–1800. 1995 (Studies in anthropology and history; Vol. 13).

² Например: *Hlavin-Schulze K.* “Man reist ja nicht, um anzukommen”: Reisen als kulturelle Praxis. Frankfurt-a/M. N.Y., 1998; *Scenazi C.* Le voyage en Europe au XVI-e siècle // *The Romantic Review*. 2003. Jan.–Mar. (электронный ресурс без нумерации страниц: http://findarticles.com/p/articles/mi_qa3806/is_200301?tag=artBody:coll); *Bratun M.* L'art de voyager utilement selon Michel-Georges Mniszcz d'après un manuscrit inconnu // *La Revue Française. Numéro Spécial / Numéro Électronique: “La culture des voyages a l'âge classique. Regards, savoirs et discours”*; *Podemski K.* Travels and European Identity // *To be and to live in Europe* / Ed. Z. Drozdowicz. Poznań, 2004; *Horvath R.* La France en 1618 vue par un statisticien hongrois, Marton Szepesi Csombor // *Population (French Édition)*. 1985. 40e Année. No. 2 (Mar.–Apr.); *Huigen S.* Reisliteratuur tussen representatie en identiteit // *Neerlandstiek*. 2007. Oktober.

³ *Ong W.J.* Ramus, method and the decay of dialogue. Chicago, 2004. Онг так пишет о “рамизме”: «Рассматриваемый целостно, “рамизм” не является философией или теологией. Он также не есть литературная школа или вид классического гуманизма, хотя повлиял на философию, теологию, литературу и многое другое.

Его центральным элементом является логика или диалектика, которую не может воспринимать всерьез ни один компетентный логик. Тем не менее, вместе с риторикой, эта логика или диалектика – ключ к “рамизму”» (Ibid. P. 7). “Рамизм” – это исток целого кластера ментальных привычек (mental habits), развившихся в рамках столетней образовательной традиции и специализирующихся на некоторых типах концепций, основанных на простых пространственных моделях и призванных анализировать ментальные и коммуникативные процессы, а также, косвенно, не охватываемый разумом мир (Ibid. P. 8).

Вместо термина *ars apodemica* некоторые современные исследователи используют в отношении того же теоретизирующего направления литературы о путешествиях, о котором говорит Штагль, более общее обозначение “рамистское” (ramist). Например: *Smith P.J.* Montaigne, Juste Lipse et l’art du voyage // *The Romantic Review*. 2003. Jan.–Mar. (электронный ресурс без нумерации страниц: http://findarticles.com/p/articles/mi_qa3806/is_200301?tag=artBody;coll); *Hadfield A.* Literature, Travel, and Colonial Writing in English Renaissance, 1545–1625. Oxford, 1998.

⁴ *Hieronimus Turler.* De peregrinatione et agro Neapolitano libri II. Strasbourg, 1574; *Hilarius Pyreckmair.* Commentariolus de arte apodemica seu vera perigrinandi ratione. Ingolstadt, 1577; *Theodor Zwinger.* Methodus apodemica in eorum gratiam, qui cum fructu in quocunque tandem vitae genere peregrinandi cupiunt. Basel, 1577; *Hugo Blotius.* Tabula Peregrinationis continens capita Politica // *Henzner P.* Itenerarium Germaniae, Galliae, Angliae, Italiae. Nürnberg, 1629.

⁵ *Stagl J.* Ars apodemica. Voyage... P. 292.

⁶ *Stagl J.* A history of curiosity... P. 5.

⁷ *Stagl J.* Ars apodemica. Voyage... P. 292.

⁸ Ibid. P. 293.

⁹ *Stagl J.* Ars Apodemica. Bildungsreise... S. 158.

¹⁰ *Nicolas Reusner.* Hodoeporicum. Basel, 1580; *Alberus Meierus, Ulricus Ranzovius.* Methodus describendi regionus, urbes et arces. Helmstadt, 1587; *Stephanus Venandus Pighius.* Hercules prodicius. Anthwerpen, 1597 (2-е изд.: Köln, 1609); *Nathan Cythreus.* De arte peregrinandi libri II. Nürnberg, 1591; *Idem.* Variorum in Europa itinerum deliciae. Herborn, 1594, 1599, 1606; *Georg Loysius.* Pervigilium Mercurii. Hof, 1598; *Sir Robert Dallington.* A Method for Trauell. L., 1605; *Salomon Neugebauer.* Tractatus de peregrinatione. Basel, 1605; *Julius Bellus.* Hermes politicus. Frankfurt-a/M, 1608; *Johann Henner.* Politische Diskurs de arte apodemica. Tübingen, 1609, 1644; *Kristian Moler.* Reisskunst. Frankfurt-a/M, 1615; *Joseph Hall.* Quo vadis? L., 1617; *Daniel Gruber.* Discursus historico-politicus de peregrinatione studiosorum. Strasbourg, 1619; *Francis Bacon.* Of Travell. L., 1625; *Thomas Erpenius.* De peregrinatione Gallica utiliter instituenda. Leiden, 1631; *S. Zwicker.* Breviarium apodemikum methodice concinnatum. Danzig, 1638; *James Howell.* Instructions for Forreine Travell. L., 1642, 1650; *Paganino Gaudenzio.* Della peregrinatione filosofica. Pisa, 1643; *Dávid Frölich.* Bibliotheca seu cynosura peregrinantium. 2 vols. Ulm, 1643–1644 // *Stagl J.* Ars apodemica. Voyage... P. 292–293.

¹¹ *Ong W.J.* Ramus... P. 17–29.

¹² “Путешествие делилось на триаду: подготовка, исполнение и оценка (preparatio, opus ipse, terminus)” (*Stagl J.* Ars apodemica. Voyage... P. 296).

¹³ *Thomas Erpenius.* De peregrinatione Gallica utiliter instituenda. Leiden, 1631. Ссылка в: *Stagl J.* Ars apodemica. Voyage... P. 297.

¹⁴ *Stagl J.* Ars apodemica. Voyage... P. 297–299.

¹⁵ *Stagl J.* A history of curiosity... P. 78.

- ¹⁶ Ibid. P. 301.
- ¹⁷ Ibid. P. 55–56. Выбор трудов для примера тоже принадлежит Штаглю.
- ¹⁸ Ibid. P. 50.
- ¹⁹ *Cosmographia. Beschreibung aller Lender durch S. M., in welcher begriffen Aller vöcker, Herrschafften, Stetten und namhafftiger flecken herkommen: Sitten, gebreüch, ordnung, glauben, secten und hantierung durch die gantze welt und fürnemlich Teütscher nation. Was auch besonders in jedem landt gefunden und darin geschehen sey. Alles mit figuren und schönen landt taflen erklert und für augen gestellt.* Basel, 1544.
- ²⁰ *Stagl J. A history of curiosity...* P. 55–56.
- ²¹ О связи между итинерариями, путеводителями и картами см.: *Lang W. The Augsburg Travelguide of 1563 and the Erlinger Road Map of 1524 // Imago Mundi.* 1950. Vol. 7. P. 84–88.
- ²² *Клавдий Птолемей.* Руководство по географии / Сост. М.С. Боднарский. М., 1953.
- ²³ Отсюда и современные слова “турист”, “туризм”.
- ²⁴ Литература о Большом туре огромна. Я пользовался следующими изданиями: *Howard C. English Travelers of Renaissance.* N.Y., 1914; *Trease G. The Grand Tour.* L., 1967; *Hibbert Ch. The Grand Tour.* L., 1987; *Stoye J. English travellers abroad, 1604–1667.* New Haven, 1989; *Chaney E. The Evolution of Grand Tour.* L., 1998; *Hadfield A. Literature...*; *Amazons, Savages and Machiavels. Travel and Colonial Writing in English, 1550–1630.* Anthology / Ed. A. Hadfield. Oxford, 2001.
- ²⁵ *Robert Dallington. The View of Fraunce. Un aperçu de la France telle qu’elle était vers l’an 1598.* Traduit de l’anglais par E. Emerique d’après un exemplaire de l’édition imprimée à Londres par Symon Stafford, 1604. Versailles, 1892.
- ²⁶ *Howard C.* Op. cit. Chapter 2 (электронный ресурс без нумерации страниц: <http://www.gutenberg.org/etext/13403>).
- ²⁷ *Chaney E.* Op. cit. P. 106–110 ff. Собственно, даже в названии главы, посвященной Большому туру, – “The Grand Tour and beyond: British and American Travellers in Italy, 1645–1960” – отражается эта датировка. Теоретические труды, родственные *ars apodemica*, разбираются им в предыдущей главе той же работы.
- ²⁸ С идеями М. Бреннана я знаком только по рецензиям на его книгу: *Michael G. Brennan. The Origins of the Grand Tour: The Travels of Robert Montagu, Lord Mandeville (1649–1654), William Hammond (1655–1658), Banaster Maynard (1660–1663).* L., 2004.
- ²⁹ Ibid.
- ³⁰ *Stagl J. A history of curiosity...* P. 5.
- ³¹ *Trease G.* Op. cit.; *Hibbert Ch.* Op. cit.; *Stoye J.* Op. cit.
- ³² Ссылки на конкретные издания будут даваться по мере разбора текстов.
- ³³ *Les Antiquitez Chroniques et Singularitez de Paris, Ville Capitale du Royaume de France. Avec les fondations & bastiments des lieux: Les Sepulcres & Epitaphes des Princes, Princesses, & autres personnes illustres.* Par Gilles Corrozet, Parisien, & depuis augmentees, par N.B. Parisien / Ed. par N. Bonfons. P., 1586.
- ³⁴ *Franklin A. Les anciens plans de Paris.* P., 1878.
- ³⁵ Например, от автора к автору переходит уподобление Виль (Ville) и Сите (Cité) двум полумесяцам или полукружьям: *Zvinger T.* Op. cit. P. 77; *Sincerus J.* Op. cit. P. 280; *An itinerary, written by Fynes Morryson, Gent., first in the Latine Tongue, and thu translated by him into English. Containing his ten yeeres travell through the twelve dominions of Germany, Bohmerland, Sweitzerland, Netherland, Denmarke, Poland, Italy, Turkey, France, England, Scotland, and Ireland.* L., 1617. P. 403;

- Claude de Varennes*. Le Voyage de France dresse pour la commodité des François et des Étrangers. Corrigée et augmentée à nouveau par le sieur D.V., historiographe de France. P., 1687. P. 193.
- ³⁶ *Frangenberg T.* Chorographies of Florence. The use of city views and city plans in the XVI-th century // *Imago Mundi*. 1994. Vol. 46. P. 47.
- ³⁷ *Stagle J.* The history of curiosity... P. 78; *Frangenberg T.* Op. cit. P. 49.
- ³⁸ *Frangenberg T.* Op. cit. P. 48.
- ³⁹ *Morryson F.* Op. cit. Между p. 408 и p. 409.
- ⁴⁰ *Francois de Belleforest*. L'ancienne et grande cite de Paris. Extrait de la "Cosmographie universelle de tout le monde... Auteur en partie Seb. Munster, mais beaucoup plus augmentee, ornee et enrichiee par Francois de Belleforest... P., 1575" / Introduction et notes par l'Abbé Valentin Dufour. P., 1882.
- ⁴¹ В предыдущих французских изданиях Мюнстера Парижу посвящена одна страница: La Cosmographie universelle, contenant la situation de toutes les parties du monde... Par Sebast. Monstere... [Basel], 1568.
- ⁴² *Varennes C. de.* Op. cit.
- ⁴³ *Babeau A.A.* Les voyageurs étrangers en France depuis la Renaissance jusqu'à la Révolution. P., 1885. P. 84.
- ⁴⁴ *Zvinger T.* Op. cit.
- ⁴⁵ *Ibid.* P. 71.
- ⁴⁶ *Ibid.* P. 89–105.
- ⁴⁷ *Ibid.* P. 106–108.
- ⁴⁸ *Ibid.* P. 90 (предместья), 93–94 (коллежи), 95 (улицы), 101 (площади, госпитали), 105 (фонтаны).
- ⁴⁹ Голландец сотрудничал с издателем Н. Бонфоном и участвовал в переиздании "Antiquitez, chroniques et singularitez" 1586 г. (Description de Paris par Arnold van Buchel d'Utrecht (1585–86), extrait de "Commentarius rerum quotidianarum, in quo, praeter itinera diversarum regionum, urbium, opidorumque situs, antiquitates, principes, institutat, mores, multa eorum quae tam inter publicus, quam privatum contingere solent, occurent exempla (jan. 1560–april 1599)" / Traduit et publié par A. Vidier // *Mémoires de la société...* 1899. Т. XXVI. P. 71).
- ⁵⁰ *Buchel A. van.* Op. cit. P. 92.
- ⁵¹ См: *Stagl J.* History of curiosity... P. 48. Противопоставление Липсиуса рамистам см: *Smith P.J.* Op. cit.
- ⁵² Description de Paris par Thomas Platter le Jeune de Bâle (1599) // *Mémoires de la société...* 1896. Т. XXIII. P. 167–224.
- ⁵³ *Platter T.* Op. cit. P. 175–195.
- ⁵⁴ *Platter T.* Op. cit. P. 206–268.
- ⁵⁵ *Sincerus J.* Op. cit.
- ⁵⁶ *Paul Merula*. Cosmographia de Gallia. Amsterdam, 1636.
- ⁵⁷ *Sincerus J.* Op. cit. P. 279, 292.
- ⁵⁸ Часть, касающаяся Парижа, опубликована в: *Antoine de Rombise*. Voyage a Paris (1634–35) // *Mémoires de la société...* 1886. Т. XIII. P. 274–288.
- ⁵⁹ *Morryson F.* Op. cit. О Париже: P. 400–420.
- ⁶⁰ *Ibid.* P. 414.
- ⁶¹ *Ibid.* P. 412 (коллежи), 406 (ворота), 405 (рынки).
- ⁶² *Ibid.* P. 412.
- ⁶³ *Dallington R.* Op. cit.
- ⁶⁴ *Paterson J.* Op. cit.; *Holtgen K.J.* Op. cit. (см. примеч. 31).
- ⁶⁵ "Crudities hastily gobled up in five months travels in France, Savoy, Italy... Helvetia, Germany and the Nederland..." (1608). Voyage à Paris de Thomas Coryathe (1608)

- (L., 1611) / Traduit d'anglais par R. de Lasteyrie // *Mémoires de la société*... 1880. T. VI. P. 24–53.
- ⁶⁶ The Travel Diary (1611–1612) of an English Catholic, Sir Charles Somerset / Ed. Michael Brennan. Leeds, 1993. Фрагмент, касающийся Парижа, приведен в: *Hadfield A. Amazons*... P. 65–72.
- ⁶⁷ *Hadfield A. Amazons*... P. 64.
- ⁶⁸ Ibid.
- ⁶⁹ Diary and correspondence of John Evelyn. A new edition, in four volumes / Edited from original manuscript at Wotton by W. Brey. Vol. I. L., 1859.
- ⁷⁰ Ibid. P. 47.
- ⁷¹ Ibid. P. 49.
- ⁷² Особый характер итальянской литературы о путешествиях лишь недавно стал объектом исследования. См.: *Hester N. Literature and Identity in Baroque Italian Travel Writing*. Aldershot, 2008, а также уже приводившееся мнение Штагля об особенной “статистической” традиции.
- ⁷³ Collection des documents inédits sur l'histoire de France. Relations des ambassadeurs vénitiens sur les affaires de France au XVI-me siècle / Ed. par M. Nicolo Tommasseo. P., 1838. Vol. 1: Andrea Navagero (1528). P. 1–67; Marino Giustiniano (1535). P. 68–112; Marino Cavalli (1546). P. 249–392; Giovanni Capello (1561). P. 367–388; Vol. 2: Marc-Antonio Barbaro (1563). P. 1–105, Girolamo Lippomano (1577). P. 278–647.
- ⁷⁴ *Hester N. Op. cit.* P. 16.
- ⁷⁵ Paris en 1596, vu par un Italien (relation du voyage de Francesco Gregori d'Ierni // *Bulletin de la société de l'histoire de Paris et de l'Ile-de-France*. 1885. T. 12. P. 164–170.
- ⁷⁶ Un'ambasciata. Diario del'abate G. Fr-co Rucellai / Publicato da G. Temple-Leader e G. Marcotti. Firenze, 1884.
- ⁷⁷ *Frangenberg T. Op. cit.* P. 41–64 (особенно P. 50–56). Он ссылается на труд: *Eugnatio Danti. Le scienze matematiche ridotte in tavole*. Bologna, 1577 и публикует отрывок из него, относящийся к путешествиям: Tavola 39, “Delle osservazioni di viaggi” (*Frangenberg T. Op. cit. Appendix 1. P. 56*).
- ⁷⁸ Например, М-А. Барбаро: *Relations des ambassadeurs vénitiens*... Vol. 2. P. 2.
- ⁷⁹ *Frangenberg T. Op. cit. Appendix 1. P. 26*.
- ⁸⁰ Можно также напомнить, что ориентация по реке была свойственна и поэту Кнобельсдорфу, писавшему до появления карт Парижа. Таким образом, гипотеза о связи “аподемической” системы ориентации с картографией получает дополнительное подтверждение.
- ⁸¹ Моррисон вообще отличается повышенной “картографичностью”: у него единственного число упоминаний частей города в два раза больше, чем у континентальных последователей АА. Мини-карта самого Моррисона повернута так же, как нынешние (т.е. левый берег-Университет внизу), на ней указаны стороны света, и он довольно часто указывает их и в тексте. Например, перечисляя ворота, Моррисон говорит, что делает это с юго-востока к северо-западу. Если учитывать, что все английские тексты, разбираемые здесь, в той или иной степени относятся к “прототуристической” традиции, то необходимо признать, что Моррисон “картографичностью” превзошел и своих соотечественников, и континентальных приверженцев АА. Возможно, что такая повышенная “картографичность” является характерной чертой сочинений уже следующей эпохи, эпохи Большого тура, провозвестником которой послужил Моррисон.
- ⁸² *Frangenberg T. Op. cit.* P. 48.

-
- ⁸³ *Baxandall M.* Painting and experience in fifteenth-century Italy. Oxford, 1988. P. 106.
- ⁸⁴ *Platter T.* Op. cit. P. 177.
- ⁸⁵ *Sincerus J.* Op. cit. P. 51.
- ⁸⁶ *Sincerus J.* Op. cit. P. 65, 95, 108, 111, 219.
- ⁸⁷ *Evelyn J.* Op. cit. P. 69.
- ⁸⁸ *Rucellai Fr.* Op. cit. P. 104.
- ⁸⁹ *Buchel A. van.* Op. cit. P. 78. Другие маршруты описываются там же: P. 95, 97, 104, 116–120.
- ⁹⁰ *Platter T.* Op. cit. P. 211.
- ⁹¹ *Platter T.* Op. cit. P. 199–202.
- ⁹² *Rombise A. de.* Op. cit. P. 283–287.
- ⁹³ *Amato J.A.* On foot: a history of walking. N.Y., 2004. Амато относит появление благородного “прогуливания” как практики высшего класса к началу XVIII в.
- ⁹⁴ *Relations des ambassadeurs vénitiens...* Vol. 1. P. 33.
- ⁹⁵ *Ibid.* P. 70.
- ⁹⁶ *Dallington R.* Op. cit. P. 24.
- ⁹⁷ *Ierni Fr.* Op. cit. P. 166.
- ⁹⁸ *Coryathe T.* Op. cit. P. 11.
- ⁹⁹ *Somerset Ch.* Op. cit. P. 68.